

“Сперанца” вышла из нисходящей спирали в атмосферу Гипатии, когда оставалось меньше тридцати минут, перед тем как покинуть орбиту стало бы невозможно. Неожданное прибытие буксира “Ренарда” предоставило полковнику Андерсу и Авреему Локку необходимую передышку, чтобы прекратить боевые действия и восстановить некое подобие порядка.

Это было хрупкое перемирие, которое в любой момент могло смениться насилием и возможно так бы и произошло, если бы не отрезвляющее появление Робаута Сюркуфа, сопровождавшего стерильную каталку из отсека экипажа шаттла. На каталке лежала тяжелораненая Линья Тихон, и вид искалеченного магоса мгновенно охладил мысли о конфликте даже в самых горячих головах. Обе стороны отступили зализывать раны, а Авреем Локк снова исчез в лабиринтах ковчега Механикус.

Пока бригада биотравматологов Механикус помещала Линью в стазисную капсулу, Робаут остановился и посмотрел на одно из высоких стрельчатых окон сводчатого зала: яркий витраж, изображавший огромный мануфактурум горы Олимп по производству “Леман Руссов”. Одна из нижних стеклянных панелей была разбита, и Робаут несколько минут смотрел в ту сторону со странным выражением лица, как человек, который пытался вспомнить полузабытый сон, и только затем последовал за Тихонами на медицинские палубы.

Несколько секунд спустя сервиторы “Сперанцы” вернулись к нормальному исполнению обязанностей, заново подключившись ко всем системам ковчега и что ещё важнее вернув контроль над перегруженными реакторами инжинериума. С помощью самоотверженных бинарных хоров удалось успокоить разъярённых духов плазменных реакторов, охладить безудержные реакции внутри ядерных сердец и восстановить нормальное функционирование, позволив “Сперанце” прервать самоубийственное снижение.

Уборочные бригады Механикус прибыли, чтобы эвакуировать шаттл Робаута Сюркуфа и как можно быстрее вернуть посадочную палубу к выполнению её прямых функций – принимать флотилии грузовых транспортов с Гипатии. После выхода на новую орбиту операция по пополнению запасов продолжилась, как и прежде, хотя на существенно увеличенной высоте и с другой скоростью.

Не сумели обнаружить никаких следов аркофлагелланта, он исчез, как и его хозяин, хотя имелись признаки, что брат-сержант Танна и чемпион Императора Варда серьёзно повредили биологические компоненты кибернетического разрушителя. Оба космических десантника получили ранения, но без апотекария им пришлось полагаться на базовое и рассчитанное на гуманоидную анатомию лечение, способное устранить поверхностный вред, но никак не повлиявшее на глубокие повреждения от цепов аркофлагелланта.

В схватке никто не погиб кроме первых жертв от провокационного огня гвардейца Маноса, что само по себе было чудом, но медицинские отсеки были переполнены крепостными и кадианцами со сломанными руками и ногами, глубокими порезами, пробитыми черепами и тяжёлыми сотрясениями. Самого же Маноса поместили в карцер, солдат был полностью сломан и абсолютно не помнил, почему открыл огонь.

Многочисленные последующие глубокие нейронные зондирования смогли установить только

то, что перед началом стрельбы синаптическая деятельность миндалиновой железы Маноса и масса ядер глубоко в височных долях мозга увеличились в десять раз. Этот раздел мозга часто нейтрализовали у старших адептов при восхождении в высшие эшелоны Культа Механикус, размещая механизмы контроля над страхом и гневом. И это – наряду с убийством магоса Сайиксека – заставило некоторых магосов задуматься о внешнем воздействии со стороны какой-то силы, использовавшей на гвардейце некую форму экстрасенсорного влияния. Никто не мог сказать, что это за внешняя сила, но даже ниже ватерлинии не было недостатка в слухах об абордажниках-ксеносах, варп-существах и несанкционированном псайкере.

Корабли-саркофаги легио Сириус вернули смертельно раненую оболочку “Амарока” на “Сперанцу”, и хотя между Элиасом Хяркином и Гуннаром Винтрасом не было ни капли дружбы, “Вилка” сопровождала останки павшего собрата к ремонтным колыбелям магоса Тарентека. За павшим титаном двигалась скорбящая процессия Механикус, и певцы душ закодировали воспоминания о потерянном духе-машины в манифольде, дабы почтить его жертву. Со временем Омниссия явит новый дух “Пса войны”, дабы его физическая оболочка сражалась снова.

Разобравшись с текущим кризисом, архимагос Котов вынужден был согласиться на некоторые из требований Авреема, чтобы избежать новой революции на нижних палубах.

Сначала он собирался снова использовать военную силу, но после консультаций со старшими магосами и советов по психологии смертных от Вена Андерса и Робаута Сюркуфа, он смог смириться с идеей переговоров.

Конечными итогами этих переговоров стали большие и всеобъемлющие изменения в обязанностях и графиках дежурств крепостных, а также улучшение качества продуктов в пищеблоках.

Задним числом на максимально возможную дату эти изменения были добавлены в трудовые соглашения архимагоса Котова с крепостными “Сперанцы”, и ещё предстояло составить хартию о правах рабочих, где более полно прописывались конкретные обязанности и ответственность экипажа космического корабля.

Всё это привело хозяина флота на грань апоплексического удара и полной системной очистки. Пойти на условия слуг являлось неслыханным в анналах Адептус Механикус, и мысль о сегодняшнем унижении едва перевешивалась мыслью о грядущей славе. Вдвоём Сюркуф и Андерс, наконец, убедили архимагоса согласиться на основные условия Авреема Локка, хотя оба сомневались, что он продолжит соблюдать соглашение, когда “Сперанца” вернётся в имперский космос.

Ковчег Механикус оставался на орбите Гипатии ещё пять дней, переправляя с поверхности флотилии грузовых транспортов, пополняя припасы опустевших трюмов и выполняя крайне необходимые точечные ремонтные работы. Пока Блейлок изучал временные отклонения регрессирующей планеты, Криптаэстрекс и Тарентек подали прошение о ещё одной неделе для полного восстановления запасов сырья. Котов отклонил их запросы и приказал Азурамаджелли возобновить полёт к безымянному миру-кузне, на котором он рассчитывал найти архимагоса

Телока.

“Сперанца” продолжила путешествие, Котов сидел на командном троне и снова наблюдал за геометрическим расположением звёзд в центре поиска в неизвестное.

– Вы всё ещё верите в успех вашего предприятия? – спросила Галатея, появившись недалеко от Котова.

– Верю, – ответил Котов, не желая впустую разговаривать с машинным интеллектом.

Манекен с серебряными глазами предупреждающе помахал пальцем:

– Мы не столь уверены, – сказал он с хриплым аугметическим смехом. – Вы стали слугой меньших существ. Не вы больше хозяин этого корабля.

– Моего корабля, – резко ответил Котов, дёрнув головой. – Вы же сами говорили, что теперь это ваш корабль.

Здесь было холодно, всегда холодно. Марко Коскинен дрожал от мороза даже несмотря на то, что закутался в меха и тёплую одежду. Чёрно-серебряная гора осталась далеко позади, её холодные ветра и скованные льдом склоны превратились в полузабытые воспоминания, но сейчас их вернули ледяные температуры на встрече Стаи.

Дыхание туманилось перед каждым собравшимся представителем экипажа легио, от орудийных сервиторов – временно покинувших посты – до модератусов и принцепсов.

Магос Гирдрит охладила помещение, простое дело на космическом корабле, путешествующем в пустоте, и потрескивающие паутины инея протянулись по стеклу и стали забытого зала. Никто не знал, какой цели он когда-то служил, а завтра никто и не вспомнит, какой цели он послужит сейчас.

Сто человек стояли в два длинных ряда по обеим сторонам на пути к трибуне на возвышении, где располагались машины жизнеобеспечения старших принцепсов легио.

Зимнее Солнце занял центр трибуны, его колыбель биоподдержки окружали адепты в серых мантиях с поясами из собачьего меха, когтями вдоль плеч и масках в форме черепа, закрывавших наполовину человеческие наполовину машинные лица. Усечённая призрачная фигура принцепса плавала в молочно-серой жидкости, зашитые глаза и тело с подключёнными проводами предавали ему сходство с одряхлевшим монархом.

Лунная Синь располагался рядом по праву Тиранноса, он недавно удостоился этого высокого звания, дарующего абсолютную власть в отсутствии альфы, в знак признания его заслуг и явно демонстрируя его право стать преемником. Элиас Хяркин в хрипящем пневматическом

экзоскелете стоял у подножия трибуны, показывая, что ему оказали честь находиться близко к старшим принцепсам, но и что он всё ещё подвластен их воле.

Коскинен верил, что легио получил новый шанс после того, как Зимнее Солнце восстановил надлежащую иерархию управления, когда вместе с Лунной Синью вернулся из манифольда.

И теперь это.

Коскинен и Йоаким Бальдур стояли по бокам Гуннара Винтраса, ожидая противоположной стороне зала от Зимнего Солнца. Принцепс “Пса войны” склонил бритую голову и сгорбил плечи, отчего казался совершенно жалким. Коскинен хотел презирать Винтраса за произошедшее с “Амароком”, но взгляд на сломанного принцепса сказал ему, что никакой упрёк, который он мог предложить, не сравнится с ненавистью того к самому себе.

Винтрас облачился в полную парадную форму Титаникус: белую и серебряную, с двойными отделанными золотом канидайскими значками на лацканах сюртука с багровыми краями. Без мехов Винтрас должен был замёрзнуть до костей, но к его чести на лице со впалыми щеками не было ни намёка на нестерпимый холод.

– Давайте быстрее покончим с этим, – произнёс Винтрас, посмотрев на Коскинена.

Коскинен не ответил, ему запретили говорить с омегой без разрешения альфы, и посмотрел на Йоакима Бальдура. Напарник-модератус кивнул, они схватили Винтраса за плечи и почти потащили к трибуне. Они шагали между рядами служащих легио, которые отворачивались от опозоренного принцепса, когда они проходили мимо, переключая внимание на Зимнее Солнце.

Холод у трибуны стал ещё сильнее и опаснее, грозя неизбежным и тяжёлым обморожением.

Коскинен и Бальдур поставили Винтраса перед Зимним Солнцем, который подплыл к передней части саркофага и уставился на опозоренного воина Стаи невидящими глазами. Он быстро кивнул удлинённым выпуклым черепом, и Элиас Хяркин с лязгом механики шагнул вперёд:

– Гуннар Винтрас, воин Локабранны и потомок чёрно-серебряной горы, ты предстал перед нами – принцепсами легио Сириус.

Гнусавые звуки испорченных болезнетворными микроорганизмами голосовых связок Хяркина сложно было назвать приятными, но то, что ему предстояло сказать, было ещё хуже.

– Как принцепсу тебе доверили жизнь и честь военной машины “Амарок”?

– Доверили, – ответил Винтрас.

- И ты не справился с этим долгом?

- Не справился, - согласился Винтрас. - Мой титан получил смертельную рану, а его дух-машина погас. Никто кроме меня не несёт позор за это.

Хяркин оглянулся на Зимнее Солнце, который скрылся в вязкой жидкости. Остальное предстояло исполнить Лунной Сини, чтобы упрочить своё положение, как Тиранноса Стаи.

+ Духа-машины невозможно погасить, + сказал Лунная Синь. + Он возвращается к свету Омниссии. Тела из плоти и крови никогда не смогут пережить тело из стали и камня, душу из железа и огня. +

- Я приму любое наказание, какое вы наложите на меня, Лунная Синь, - произнёс Винтрас.

+ Ты не можешь называть меня Лунная Синь. Только Стая может использовать это имя, а ты больше не в Стае. Ты - Омега. +

Винтрас кивнул. - Да будет так, - сказал он, поднял голову и обнажил шею.

+ Начинай, Хяркин, + велел Лунная Синь. + Пролей его кровь. +

Хяркин кивнул и вытащил из ножен из козьей кожи на экзоскелетной ноге нож с длинным лезвием и костяной рукояткой. Зная, что последует, Коскинен и Бальдур снова взяли Винтраса за руки. Хяркин сжал нож и нанёс два быстрых разреза, по одному на каждой щеке Винтраса. Пока капли крови текли по лицу, Хяркин приставил нож к горлу принцепса и провёл лезвием по коже: достаточно сильно, чтобы пошла кровь, но не так глубоко, чтобы оборвать жизнь.

Даже опозоренный принцепс оставался слишком ценным, чтобы от него столь небрежно избавиться.

Необходимые умственные и физические навыки для управления колоссальной военной машиной были так велики, что исключали почти всю человеческую расу. Только воистину выдающиеся личности могли начать обучение на принцепса титана, не говоря уже о том, чтобы стать им. Но наказание необходимо и оно должно быть видимым. У Винтраса навсегда на горле останется ритуальный шрам поражения.

Хяркин вытер нож об униформу Винтраса и вложил в ножны, а затем сорвал канидайские знаки различия. Он вернулся к своему месту у подножия трибуны и кивнул Коскинену и Бальдуру.

Кусок за куском они сорвали с Винтраса парадную форму Титаникус, позволив упасть каждому клочку одежды, словно выброшенным тряпкам, пока он не остался стоять голым перед легио. Его тело было мускулистым и покрыто множеством татуировок, отмечено шрамами чести и

ритуальными символами, повествующими о поверженных титанах и выигранных кампаниях. Кожа под краской была мраморно-бледной, и даже стоическое поведение Винтраса не смогло справиться с холодом. Он дрожал от мороза, голый, уязвимый и униженный перед легио.

+ Теперь ты настоящий Оборотень, + произнёс Лунная Синь. + Сбросивший шкуру Оборотень.
+

Виталию не советовали заводить наследника. Как говорили коллеги-магосы, существовала высокая вероятность эмоциональной привязанности. Риски для его исследований возрастут многократно на то время, которое потребуется для воспитания потомка, если конечно он захочет лично наблюдать за развитием клона. Он проигнорировал все возражения, желая, чтобы трудолюбивый ученик продолжил его труды, когда его не станет. Отношения должны были стать чисто функциональными, поскольку Виталий являлся человеком одержимым работами вселенной и его заботили космологические проблемы, а не биологические.

Но всё изменилось, когда в десяти триллионах случайных комбинаций генетического секвенирования его клона спонтанно изменился код и превратил то, что должно было стать генетической копией Виталия в самостоятельную личность. В дочь.

Способности Линьи превзошли все его ожидания, и Виталий полюбил её также сильно, как любое астрономическое явление, даже решив назвать её в честь той, кого многие считали дочерью – или сестрой, никто не знал точно – композитора из Ганновера. Агрессивное увеличение развивающихся клеток её головного мозга во время тепличного периода созревания в металлической утробе с рождения даровали девочке улучшенный интеллект и ускоренный рост.

В течение первого года жизни Линья уже начала помогать ему, её улучшенный разум размещался в теле, как у шестилетнего ребёнка. Вскоре её физический рост стал проходить по более традиционной схеме, но разум никогда не прекращал развиваться. Поэтому довольно быстро она стала опережать магосов, опыт которых в небесной картографии исчислялся десятилетиями.

Традиционное образование оказалось слишком бесполезным для её незаурядного интеллекта, и она бросала одну схолу Механикус за другой, всегда возвращаясь на орбитальные галереи, чтобы учиться у отца. И так он обучил её тайнам вселенной, и она заняла своё место рядом с ним, как ученик, о чём он всегда и надеялся, хотя их отношения строились на взаимоуважения и любви вместо ожидаемой функциональной договорённости.

Многие жалели Виталия или качали головами от его глупости, сокрушаясь о том, что он смог бы открыть, если не растрачивал интеллект на отвлекающее влияние плотского родственника, мешавшего исполнять долг перед Омниссией.

Виталий знал, что они ошибались.

Потеря для суммы знаний, накопленных Механикус, для него обернулась приобретением.

Линья превзойдёт их всех, она перепишет человеческое понимание звёзд и их существование длиной в эпохи. Имя Линьи Тихон упомянут в одном ряду с великими первопроходцами, которые продвигали первые эксперименты трансгуманизма: Фёдоровым, Моравеком, Халдейном и застывшей загадке FM-2030.

Виталий всем своим существом знал это, но теперь понял, что дело было в простом тщеславии.

Линья была его творением, и она переживёт его и превзойдёт во всём.

Так биологически с его стороны.

Сидя рядом с дочерью, которая неподвижно лежала за стерильным защитным полем, Виталий теперь видел, каким глупцом он был. Линья получила самое лучшее лечение, которое могла предоставить “Сперанца”. Старшие врачи и Медикус Биологис в течение последних тринадцати дней прикладывали все усилия для восстановления её тела, управляли болью точно стимулированными синаптическими переключениями и завернули уцелевшие конечности в искусственно выращенную кожу.

Они сделали всё, что можно было сделать. Победа в борьбе за жизнь теперь зависела от неё.

Будущее Линьи лежало на чаше весов, и никто не мог предсказать, куда они покачнутся, и на какую сторону упадёт монета её жизни.

Мозг Виталия прошёл процедуры аугментации, был так перестроен и хирургически изменён, что мыслительные процессы только на самом поверхностном уровне напоминали человеческие. Он думал быстрее и на множестве уровней сразу. Мощь его нестандартного мышления и комплексной многомерной визуализации находилась за пределами возможностей понимания даже самых одарённых человеческих эрудитов.

И всё же он был раздавлен чувством вины и горя, как любой отец, наблюдавший за страданиями своего ребёнка.

Он знал, что мог бы избавиться от этой боли, если бы не был слишком горд, слишком упрям и слишком жесток, чтобы прислушаться к своим коллегам и отказаться от рождения преемника. Если бы он являлся надлежащим Механикус, то мог бы легко избежать этого ужаса и просто выбрал бы самого многообещающего ученика из многочисленных помощников.

Но тогда он лишился бы радости существования Линьи, удовольствия от её роста и обучения, удивления её индивидуальности, которая продолжала ярко сиять, несмотря на продвижение по пути Марсианского духовенства. Хотя она всей душой разделяла убеждения Культа Механикуса, в Линье жила очень редкая и очень яркая искра человечности, которая отказывалась гаснуть, ни взирая на любые кибернетические замены, внедрённые в биологическое тело.

Архимагос Котов и все старшие магосы приходили засвидетельствовать уважение его дочери, все выражали сожаление, которое было удивительным в одних случаях и настоящим чудом в других. Магос Блейлок неоднократно приходил к кровати Линьи, каждый раз проявляя сочувствие, в способность к которому в нём Виталий не поверил, если бы не увидел собственными глазами.

Робаут Сюркуф стал частым посетителем, и его горе казалось бездонным колодезем сожаления, что заставило Виталия вспомнить о времени, проведённом капитаном с эльдарами. Видимо что-то из предрасположенности этой расы ксеносов к крайним проявлениям эмоций передалось вольному торговцу, пока он жил на борту их корабля-города.

Виталий не мог плакать, он давно пожертвовал тем крошечным пространством в черепе для дополнительного глазного кибернетического оборудования. Вместо этого он протянул стерильный механодендрит в окружавшее Линью обеззараживающее поле, и положил пальцы-кронциркули на плечо, надеясь, что его присутствие каким-то образом передастся спящему телу.

Аугметированный разум был сложным органом, и, несмотря на высокомерные притязания и позёрство, даже самые высокопоставленные генеторы магосов биологис не до конца понимали тонкости внутренних процессов. Архивы Механикус были переполнены недостоверными отчётами о тяжелораненых и предположительно находившихся в вегетативных комах людях, которых вернули из-за края смерти слова близкого человека. И прямо сейчас Виталий был готов схватиться за любую соломинку, не важно сколь тонкая и ненадёжная она была.

Он читал одну из архаичных книг Линьи, редкий сборник стихов Старой Земли, монографий небесной механики и биографий многих самых первых астрономов, благодаря которым звёзды засияли ярче и стали ближе для их земных коллег. Сначала он передавал строфы при помощи ноосферы и бинарного кода, но дойдя до любимого момента Линьи, переключился на обычный голос:

“Я – инструмент в женском облике,

Пытаюсь перевести пульсации

В изображения для утешения тела

И возрождения разума”.

В поэме говорилось о времени до эпохи Раздора, хотя это казалось маловероятным, учитывая опустошения того времени, но не античность понравилась Линье в ней, а скорее то, что признавалась роль женщины в самых ранних порах исследования галактики.

Виталий не обладал реальным поэтическим вкусом, но он умел видеть красоту, когда смотрел на неё.

Космос был огромной страной чудес, гобеленом всеобщего великолепия, который мог увидеть любой обладающий глазами. Именно желание вдохнуть это чудо в других привело его к галактическим телескопам и то же самое чудо легло в основу создания Линьи.

Он не пожертвовал бы болью, которую сейчас испытывал, как и былой радостью знать свою дочь и смотреть, как она растёт.

- Вы верите, что она может слышать вас?

Виталий повернулся, ожидая очередного посетителя Механикус, но презрительно поморщился, когда увидел сидевшую на корточках у арочного входа в медицинскую палату Галатею. Её приземистое тело опустилось почти до уровня пола, и серебряные глаза изучали Линью.

Виталий почувствовал, что его отвращение к этой... твари достигло новых высот.

Почему эта мерзость продолжает существовать, когда жизнь его дочери висит на волоске?

Он сдержал желчь в горле и повернулся к кровати.

- Не знаю, - ответил Виталий. - Надеюсь, что да. Возможно, если она услышит, что я рядом, то это придаст ей сил бороться за жизнь.

- Очень биологическое тщеславие, - сказала Галатея. - Нам неизвестно ни одно эмпирическое доказательство, подтверждающее способность к восприятию в медикаментозном состоянии.

- Меня не волнует, что вам известно или неизвестно, - резко ответил Виталий. - Я читаю для своей дочери, и ничто сказанное вами не убедит меня, что я поступаю неправильно.

Галатея вошла в палату, лязгая несогласованными ногами по плиточному полу. Озоновая вонь её тела и мерцающий свет мозговых колб отразились от полированной стали медицинского оборудования.

- Мы не хотели вас обидеть, - произнесла Галатея, протянув руку-манипулятор и положив её на плечо Виталия. - Мы пришли предложить вам наше сочувствие, которое нужно биологическому существу. Мы полюбили госпожу Тихон за то время, что знали её.

- Моя дочь - не мертва, - сказал Виталий, пытаясь скрыть удивление неожиданной сентиментальностью машины. - Она ещё может поправиться. Линья - боец, она не позволит так просто прикончить себя... Я знаю это.

Виталий замолчал, и Галатея остановилась у противоположной стороны кровати Линьи.

- Мы искренне на это надеемся, - сказала она. - Линья слишком ценна, чтобы её забрала такая неудача.

- Не знал, что вы столько общались с Линьей.

- На самом деле, мы общались, да, - пояснила Галатея. - Когда мы загружали данные из когитаторов "Томиоки", то соединились с её разумом и увидели насколько она исключительная.

- Исключительная, - повторил Виталий с полной надеждой улыбкой. - Да, она именно такая.

Авреем расположился на стуле с металлическими ножками рядом с Расселасом X-42 и скрестил на груди руки. Аркофлагеллант лежал на троне-каталке, раскинув привязанные руки и ноги, напоминая какую-нибудь древнюю анатомическую диаграмму. Полученные от космических десантников раны были тяжёлыми, и крепостному их хватило бы, чтобы умереть много раз. Только высочайшая искусственность и ускоренные метаболические улучшения поддерживали его жизнь, хотя те же самые биологические механизмы ввели его в состоянии регенеративного покоя.

После неудачной попытки революции на посадочной палубе у Авреема появилось время о многом подумать, прежде всего, продолжать ли использовать аркофлагелланта. В сумасшедшие дни после того как "Сперанца" вырвалась из смертельной хватки Гипатии он занимался тем, что вёл секретные переговоры через ноосферу с архимагосом Котовым, вырабатывая непростое соглашение для продолжения исследовательской миссии флота при одновременном уважительном отношении к рабочим.

Это был длительный и часто тернистый лабиринт переговоров, но своеобразный мир удалось достигнуть. Сервиторы и крепостные вернулись к работе, и Авреем отправил с ними Хоука и Койна. Ему также предложили амнистию, но зная, как легко его поимка позволит архимагосу отказаться от обещаний, Авреем, Исмаил и Тота Мю-32 решили остаться в бегах.

Надсмотрщик насколько смог исправил ужасные раны Расселаса X-42, но даже с загруженной медицинской базой данных непостижимость и количество биологических механизмов в теле аркофлагелланта превращали любую попытку восстановить функциональность в гадание на кофейной гуще.

Болтерная рана в боку аркофлагелланта затянулась самостоятельно, образовав синтетический слой, который со временем сросся с твёрдой и подобной броне кожей, оставив шрам. Тота Мю-32 удалил из спины аркофлагелланта больше восьмидесяти семи осколков, а затем заполнил рану синтетической плотью и наложил бинты.

Сколь ни тяжёлыми оказались раны от болтера, повреждения от меча Чёрного Храмовника вызывали гораздо большее беспокойство. Многочисленные химические шунты, расположенные между плечом и ключицей X-42, были разрублены, выпустив дистиллированный коктейль сильнодействующих лекарственных препаратов для активации боевых рефлексов, введения в

состояние покоя, заживления и самопожертвования. Перемешавшись, они погрузили X-42 в безумное состояние лихорадочных кошмаров, которые могло подавить только использование высокоуровневых протоколов преданности успокаивающего шлема.

Но даже это являлось меньшей проблемой, чем причинённые силовым клинком повреждения черепу X-42. Закрывавший левую половину головы металлический кожух идеально разрубили, открыв панели схем, которые не мог восстановить ни один из живых магосов. Их функция оставалась загадкой, но они каким-то образом ещё работали – хотя явно не так как планировалось – что было очевидно по судорогам и конвульсиям, разрушающим тело X-42.

Авреем вспомнил слова Вена Андерса, пока не пролилась кровь. Он понимал, что им манипулировал человек, убеждавший людей идти под ливнем пуль, и эти люди потом ещё и благодарили его за это, но данный факт не менял фундаментальную правду полковника о Расселасе X-42.

Авреем держал раба, как и архимагос Котов держал в неволе крепостных и сервиторов. Как он мог требовать основных прав человека для порабощённых людей “Сперанцы”, если не собирался соответствовать своим же требованиям?

Этот вопрос заставил его выбрать план действий, план действий, который Тота Мю-32 резко осудил, назвав нелогичным и глупым. Исмаил не согласился, и они оба стояли за его спиной, готовые вмешаться в любой момент, когда что-то пойдёт не так.

Исмаил встал рядом и поднял органическую руку.

Авреем едва узнавал своего бывшего начальника. Тщеславный и высокомерный кусок дерьма, превративший его жизнь на Джоуре в ад, бесследно исчез. Его сменил человек такой безмятежности и покоя, что напоминал лик одного из святых Императора на фреске темплума.

– Вы увидите ужасные вещи в разуме X-42, Авреем, – произнёс Исмаил, его голова в металлическом кожухе казалась почти неотличимой от головы аркофлагелланта, и всё же была совершенно другой. – Вы совершаете очень храбрый поступок.

– Это – глупый поступок и потакание своим желаниям, – сказал Тота Мю-32. – Вы ничего не найдёте в разуме X-42 кроме мерзости. Вы же не думаете, что в аркофлагеллантов превращают добропорядочных граждан, которые любят своих детей и поклоняются Императору?

Тота Мю-32 указал на подёргивающегося аркофлагелланта и продолжил. – Такие как он – худшие из подонков, отбросы общества, трудновоспитуемые, безумные и неисправимые. Вот кем он был, и думать иначе – ужасная ошибка. Теперь он – слуга Императора и Омниссии, и это всё чем он когда-либо будет.

Авреем кивнул в сторону Исмаила. – Таким же безмозглым сервитором, каким мог остаться Исмаил?

- Это совсем другое дело, - ответил Тота Мю-32. - С Исмаилом случился божественный дар, но я не могу поверить, что Омниссия станет действовать через такого негодяя, как Х-42.

- Это - гордыня, - сказал Авреем. - Сайиксек обвинил вас в том же самом, помните? Тогда вы утверждали, что знаете волю Бога Машины. Вы сами сказали, что Х-42 был чудовищем. Теперь он - слуга Императора и Омниссии, и я должен знать осталось ли в нём что-нибудь человеческое, какая-нибудь последняя крупца доброты, которую мы можем спасти.

Тота Мю-32 ничего не сказал, его получеловеческое лицо оставалось непроницаемым под тёмно-красным капюшоном.

- Я сделаю это, - произнёс Авреем. - Помогите мне или уходите.

Исмаил шагнул ещё ближе, взял ладонь Авреема и потянулся, помогая поднять мозолистую и покрытую шрамами руку Расселаса Х-42.

- Момент соединения будет болезненным, - предупредил он.

- Я помню прошлый раз, - ответил Авреем. - Сейчас я готов.

- Нет, - сказал Исмаил. - К этому вы не готовы.

Глоссарий:

Brontissa - Бронтисса

Melenian Dust Belt - Меленианский пылевой пояс

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658774>